

ГЛАВА 1

Иногда.

Ты внезапно понимаешь, что почему-то жив.

Иногда.

Ты удивляешься тому, что у тебя снова две руки.

Иногда.

Ты осознаешь, что ты на удивление хорошо себя чувствуешь, а вот твоя магическая клетка как-то резко ослабла.

Иногда.

Ты просыпаешься не в том месте, где заснул.

Иногда.

Ты просыпаешься не тем человеком, что заснул.

Иногда.

Ты просто замираешь, потому что чувствуешь — что-то не так.

Что-то не так, как обычно.

Не так, как должно быть.

С вами такое часто случалось? Зуб даю, что нет. Со мной вот тоже такого раньше не случалось...

До сегодняшнего дня.

...Удар ребром ладони по рукоятке затвора, и винтовка собрана...

Но когда рука почему-то не соскользнула с изогнутой рукояти, а натолкнулась на неожиданное сопротивление — меня и накрыло это чувство.

Чувство неправильности.

Настолько же сильное, насколько и нелепое.

Я даже для верности посмотрел на винтовку, хотя мог разобрать и собрать ее с закрытыми глазами.

Нет, ничего необычного — это было мое личное оружие. Драгунская трехлинейная винтовка конструкции князя Мосина образца тысяча восемьсот девяносто первого года, выпу-

шенная в тысяча девятьсот втором, доработанная под магический дожиг в тысяча девятьсот шестом и подаренная мне на двенадцатилетие. Совершенно обычная, без дорогих магических усиления — просто хорошее и дешевое оружие, выстрел из которого не стоит пригоршни золотых червонцев.

Ну и откуда бы на ней взялась изогнутая рукоять, а? Откуда вообще могла взяться эта странная уверенность? Никогда такого не было, а тут почему-то должна была появиться...

Нет, не спорю — было бы удобно. А то из-за прямой рукояти, да еще и вынесенной прилично далеко вперед, и перезаряжать приходится, отрывая от плеча, и прицел телескопический не поставить — потому вынужден обходиться родным механическим...

Винтовка лежала в руках как чужая.

Как будто я взял ее впервые в жизни или после перерыва лет в тридцать...

Да что за хрень-то?!

Я в раздражении положил винтовку на стол и поднялся со стула...

Твою же...

Теперь еще и тело каким-то чужим ощущалось! Я как будто стал меньше и слабее... Но при этом появилась и какая-то странная легкость. Ну такая, будто бы ты много-много дней подряд плохо спал, сильно выматывался, не ел толком, а тут раз — и все сразу. И выпался, и отдохнул, и...

Хотя ситуация была, мягко говоря, настораживающая. Я, конечно, не очень-то суеверный, но когда имеешь дело с магией, то глупые суеверия уступают место довольно обоснованным дурным предчувствиям.

Которые имеют поганую привычку сбываться.

Подошел к висящему на стене зеркалу в массивной раме из мореного дуба, щелчком пальцев вбросил в амальгаму небольшую схему для запитки. Вгляделся повнимательнее и...

Ничего необычного. Во всяком случае Проявитель тьмы не проявлял, гм, ничего сверх обычной тьмы — ни порчи, ни сглаза, ни сдвинутой клетки... Да и когда бы я все это подхватить-то успел, а? За то время, пока решил почистить перед охотой винтовку, что ли? Да и посмотрел бы я на того, кто попробовал бы что-то наколдовать без спроса посреди усадьбы великих и ужасных магов...

Задремал я, что ли, а? Вот и почудилась всякая ерунда, мать ее... Так ведь не дремал же.

Я задумчиво потер лоб — отражение в волшебном зеркале ответило тем же.

В Проявителе отражался худощавый парень с растрепанными волосами пшеничного цвета и голубыми глазами. Блондинчик, едрить-мадрить. Белокурая бестия. Отрыжка древнего саксонского клана, шестнадцати лет от роду...

И главное — все это внешнее благолепие не портят красные глаза, как, например, у дяди. Нет активного фамильного дара — нет последствий.

Хотя после сотен лет службы близ Арафа — пусть и слабого, и небольшого, но Арафа, — считай, дешево отделались. Красноглазые? Зато хоть не краснорожие и не пучеглазые, как какие-нибудь графы Инсмаутские. И рук с ногами при рождении четное количество выдали. И даже волосы не синие, в отличие от заклинателей из клана Блау.

Это ли не радость, это ли не счастье?

Прикрыл глаза, выровнял дыхание, проверяя внутренним взглядом клетку... Тоже ничего необычного — линии тонковаты, но зато четкие; узлы без изъянов, ядро стабильное. Честный десятый ранг...

Мать его так и разэтак.

Мало. Для шестнадцати лет и сотен лет магической линии клана — очень мало. У кузин уже два года как девятый, а Вилли вообще-то младше Хильды и меня. Они нормально продвигаются в ранге, я — нет. Не расту, и все тут. Внешне — на целую голову обогнал, а вот клетка не развивается, хоть ты тресни. Видать, обделили меня предки силами и талантами... Это с одиннадцатого на десятый перейти — ерунда, больше завязанная на малую толику опыта и обучения, а вот девятый — это одна из пороговых ступеней.

При таком раскладе пытаться пробудить у меня Дар даже полному безумцу в голову не придет. А без родового таланта — какой ты наследник дома? Пусть даже и старший по возрасту. «Достойному — власть, старшему — уважение».

Нет, так-то мне не жалко — было бы о чем жалеть... Что мне с этой власти над тремя углами и четырьмя мышами? От всего бывшего величия последних Стражей Шварцвальда только и осталось, что родовой талант да громкий титул. Ни реликвий фамильных, ни библиотеки, ни алтаря целого; даже денег и тех толком не хватает... Больше ответственности, чем привилегий, ага.

Просто если не я, то следующей в очереди станет Хильда, а это, я скажу, будет похлеще слабака во главе дома.

Я-то что? При мне род всего лишь может захиреть, а при Хильде рванет выше Уральского хребта. Правда, в плохом смысле рванет, потому как это у остальных Винтеров в жилах кровь, а у нее — керосин пополам с Прахом... Безбашенная она, как бронеходы первого поколения, едрить их в корень...

И протянет славный и древний род Винтер под руководством классной, но не очень разумной Хильдегарды Винтер недолго, зато очень весело...

«Хорошая княгиня была Элизабет — гуляет, веселится, порядка только нет».

Вилли, она же Вильгельмина? Это был бы неплохой вариант, на самом деле — девчонка она ответственная, серьезная, разве что для будущей главы дома немного мягковата, но это поправимо. Главное — со способностями все нормально, стреляет она лучше всех нас, кроме разве что дяди, да и с магией полный порядок. И с контролем нет проблем... В отличие от Хильды. Но из всех нас она самая младшая, а мы с Хильдой не полные инвалиды, чтобы нас обоих можно было выкинуть из линии наследования. Хильду уж точно.

Я открыл глаза, вспоминая кузину...

И неожиданно мир выгорел всеми красками, а время остановилось. По ушам ударил скрежет плохо смазанных шестеренок, а мое отражение в Проявителе расплылось и превратилось в силуэт Хильды...

Повзрослевшей, изможденной. С выгоревшими волосами и бледной кожей, давно не видевшей солнечного света. С глазами той, кто достоин Дара и кто смог его принять.

Я смотрю на нее. Она смотрит на меня.

В нос шибает алхимическая вонь, в ушах — скрежет шестеренок.

— Чего ты ждешь?

Я поднимаю руку с зажатым в ней пистолетом.

— Покончи с этим, палач.

Я целюсь Хильде прямо между глаз, совмещая мушку и целик маузера...

— Давай же.

Она, наверное, могла бы выкрикнуть это мне в лицо. С ненавистью, что копилась столько лет. С яростью, которая не находила выход. Но лишь шепчет — устало и обреченно. Хильда, которая никогда и ни за что не сдавалась...

И я нажимаю на спуск.

Выбирая свободный ход крючка и видя, как курок бьет по ударнику...

Выстрел.

И в ее лбу появляется дыра.

Выстрел.

И я убиваю свою сестру.

Я вынырнул из этого наваждения, будто из темного и глубокого пруда. Как тот, в который я провалился когда-то в детстве — далеко, безумно далеко детстве, где меня из воды еще мог вытащить отец... Но сейчас мне пришлось выбираться самому.

Сердце колотилось как бешеное, дыхания не хватало, ноги подкашивались. Я снес мимоходом тумбочку, метнулся к окну, по пути едва не своротив стол с винтовкой, и рывком распахнул створки.

Теплый воздух ворвался внутрь, принеся с собой запахи со двора — свежее сено из стога неподалеку, цветы из клумбы перед усадьбой, жаркое из летней кухни...

Я глубоко вздохнул, задерживая дыхание, и обхватил руками лицо. Отнял их, смотря, как дрожат пальцы. Выдохнул...

Третье упражнение — закрыть глаза, сосредоточиться на дыхании, стабилизировать внутренний огонь...

Когда я открыл глаза, то уже успокоился. Но кое-что меня все еще волновало...

Что за хрень только что со мной произошла?!

Так.

Будем рассуждать логически. Ну или хотя бы попробуем.

Итак, если вы не употребляете запрещенных или боевых эликсиров, не бились головой, прошли стандартную процедуру проверки у земского мага на предмет целостности чердака, но при этом вы маг с не до конца сформировавшейся клеткой... То хорошая новость в том, что у вас не едет крыша. Плохая новость — вам ничего так просто померещиться не может. Вот не может, и точка.

Так... так... Нужны учебники по теормагу!..

Выгреб из шкафа сразу стопку книг, выбрал несколько и начал их лихорадочно листать.

Так... Галлюцинации... На ровном... ровном... месте... Ага! Нет, стоять. С клеткой-то у меня все в порядке. Отравления ядом гейстов тоже нет... Вот дрянь! Нет, сначала нужно про-

вести диагностику клетки. Причем полноценную, глубинную...

Закрыв окно и задернул шторы. Достал фонограф, взвел пружину ключом, вставил нужный цилиндр и надвинул рупор. Достал из комода черную шелковую ленту, завязал себе глаза и сел на пол, скрестив ноги. Глубоко вдохнул... Выдохнул, расслабляя мышцы... И щелчком запустил фонограф.

Комнату тут же заполнило громкое шипение, в котором утонул любой посторонний звук.

Одна из базовых тренировок, которой учат любого мага с детства — уже не первую сотню, а то и тысячу лет учат. Разве что раньше использовали звук текущей воды вместо фонографа с заглушающей записью.

Сосредоточиться на дыхании и стуке сердца... Досчитать до десяти... И на счет «десять» очнуться уже в Камделире.

Один...

Два...

Три...

Четыре...

Пять...

Я очнулся где-то посреди залитого тьмой пространства. Ни стен, ни потолка, ни единого огонька. Хотя вот собственное тело я видел отчетливо — когда меня обучали визуализации, легче всего мне было представить именно...

Не понял.

Обычно на мне всегда была белая рубаша, черные брюки да пара ботинок — запомнился образ, когда я первый раз вошел в Камделире шесть лет назад, но сейчас...

Высокие сапоги на шнуровке, брюки цвета хаки, такая же куртка, жилет со множеством карманов... Где я мог подсмотреть такую экипировку? И вообще, почему мой образ изменился? Я же буквально на той неделе заходил в Камделире, и тогда все было нормально.

Да и в целом я чувствовал себя... странно. Будто бы стал выше ростом, что ли... Но вот это как раз и ощущалось *нормальным*.

Так, что еще интересного на мне есть? Действительно интересно. Никогда не слышал о том, чтобы образ в Камделире так резко и без всяких причин менялся...

Что сразу бросается в глаза — маузер на поясе, настоящий, С-96. Я из такого никогда не то что не стрелял — я его и живьем-то не видел ни разу, только на картинке в журнале. И, разу-

меется, пытаться пощупать его в Камделире — совершенно бесполезное занятие. Здесь нет реальности — только воспоминания. Ты не узнаешь, каков на вкус апельсин, если не пробовал его в реальной жизни; ты не поймешь, как лежит в руке пистолет Рот-Штайра, если не держал его раньше.

Достал маузер, взвесил в руке...

Странно.

Очень странно.

Чувствуются и потертости на рукоятке, и как привычно палец ложится на спусковой крючок... И руны. Я таких даже не видел никогда, хотя вроде бы в зачаровании оружия не полный дуб.

Ладно, дэв с ним пока что.

Убрал пистолет в кобуру — причем на удивление удобную, кожаную, а не громоздкую деревянную. Посмотрел на пальцы правой руки — куча колец. Все как на подбор: вороненые, зачарованные с впаянными кристаллами Праха. Защита... защита... развеивание... еще защита... А что на левой? По логике, там должны быть усиливающие... Так, снять перчатку...

Снял.

И в недоумении уставился на железные пальцы. И это во все не фигура речи — как минимум вся кисть была протезом. Сложным, очень сложным. И явно дорогим — о таком маготеке я даже не слышал, не говоря уже о том, чтобы представить себе так зримо...

Первый закон Камделире — твои фантазии здесь не стоят ничего. Визуализация работает лишь с *привычными* образами. Ты не представишь себя одноногим, если никогда не терял ногу.

Вот только что-то я не припомню, чтобы когда-то в жизни у меня не было левой руки...

Интересно, а как велик этот протез?

Ощупал себя сквозь рукав, дошел до плеча... И отвлекся на странного вида шеврон — серебристый щит с крестом, перечеркнутый тремя черными рваными прорезями. Как будто какой-то зверь вроде гейста-рипера лапой ударил...

Перед глазами промелькнула окруженная ярким сиянием бабочка, сверкая переливчатыми крыльями всеми цветов радуги.

Так, а вот и напоминание, что в Камделире не стоит задерживаться. Ладно, мало ли с чего вообще может измениться отражение на Пороге, все равно я здесь не за этим...

Зашагал вперед. Как всегда — в полной тишине, не считая звука капающей воды.

Куда? Здесь нет направлений и нет мест — ты приходишь куда нужно и когда нужно. Поэтому это измерение и называют Камделире — Чертог пустоты.

Так случилось и на этот раз.

Просто в какой-то момент тьма впереди расступилась, и передо мной возник парящий в воздухе громадный призрачный кристалл. По науке это — схема магопроводящих линий, а в просторечии — клетка. А заключенный в ней Внутренний огонь превратился из теологического понятия во все тот же научный термин.

«Внутренний резерв магии» — то, чего ты стоишь без пригоршни черного пороха или пары гран Праха. Обычно без них стоишь ты до обидного мало. И именно поэтому до изобретения дешевого пороха магии хоть и были сильны, но абсолютным оружием так и не стали.

Магов всегда мало, магам всегда мало Праха. А «Бог — на стороне больших батальонов», как говаривал генерал Бонапарт...

Пристально взгляделся в собственную клетку. Это же не примерное подобие, которое можно без полноценной медитации увидеть, — тут схема полная, подробная, с кучей мелких нюансов...

Хм.

Странно... Который раз я, кстати, это уже говорю-то? Впрочем, не важно. Но с моей клеткой что-то явно не то...

Или с ней-то как раз все... в порядке? А неладно что-то в моих мозгах, потому как смотрю я на нее, и кажется мне все... каким-то неправильным. Ну, понятно, что работа с собственной структурой — одна из основ продвижения в ранге, есть куча методов и способов, как укрепить клетку и прибавить сил...

Как будто я не перепробовал их все в погоне за вожделенным девятым рангом.

Ну, разумеется, кроме человеческих жертвоприношений и прочих подобных обращений к Той Стороне.

Но вот сейчас... Сейчас мне почему-то казалось, что впервые за все время мне не надо тыкаться во все подряд головой, будто слепому котенку, — откуда-то пришла твердая уверенность, как все нужно сделать.

Нет, не так.

Я знал, что схема неправильная, *некрасивая*, но если привести ее в правильно состояние — все станет хорошо. Ну или, как минимум, лучше, чем сейчас.

Откуда такая уверенность? Да дэв его знает... Камделире все-таки. Здесь мысли и время текут по-другому — сказывается близость Той Стороны. И нет ограничений в виде физического тела...

Так что, попробовать? Я все-таки не новичок, чего-то непоправимого не натворю, да и не собираюсь ничего сверхординарного делать... Вот что, например, нужно для продвижения в ранге? Более сложная клетка. Как этого добиться, если сама она развиваться не хочет? Ну, тренировки, практика — это понятно... Но это больше на закрепление уже существующего, а не для развития нового. Грубо говоря, с помощью гантелей можно накачать руки, но не получится накачать хвост, потому что человеку его сначала надо как-то вырастить.

Вот, допустим, левый комплекс... Здесь у меня маловато кластеров, что крайне плохо сказывается на магической емкости: меньше емкость — меньше заклинаний без передышки можно создать. Как сформировать новый кластер? Напитать узел, а затем вытянуть из него еще несколько линий... Как напитать, если внешних источников силы нет? Перенаправив на время внутренние потоки. Отсечь и заблокировать уже сформировавшиеся кластеры, создать, так сказать, не большой круг магообращения, а короткий внутренний.

Я начал замыкать и отсекал участки клетки... И, надо признать, сегодня это получалось у меня на удивление легко и просто — легче и проще, чем когда-либо в жизни.

Значит, со мной все же что-то не так? Видения, странные ощущения, смена отражения... Теперь вот это. Может, это что-то вроде предвиденья? Настоящие пророки редки, да и без какого-то серьезного потрясения способности у них не проявляются, а у меня что за потрясение было? Затвором винтовки палец прищемил, что ли? Да и какой из меня пророк-то...

С другой стороны, если есть хоть какое-то разумное объяснение всему происходящему — стоит о нем задуматься. Может, и не пророк. Может, просто что-то из древних талантов внезапно прорвалось? Магия — штука загадочная, с ней и не такое случается... Наверное. В общем, выйду из Камделире — наведу в дядину библиотеку. Древних трактатов там, конечно, нет, но зато по современному теормагу книжек хватает...

Что интересно — все эти размышления ни капельки не отвлекли меня от работы, чего раньше тоже не бывало. Разум будто бы выполнял привычную и знакомую работу — словно винтовку собираешь. Руки делают — мозг не задействован.

Но самое интересное, что относительно недолгая работа увенчалась невиданным успехом — мне удалось создать целый новый кластер! Полноценный, работающий, который после снятия ограничений прекрасно вписался в общую схему. Успех, мать его! Посидеть еще немного и поработать?..

Перед глазами мелькнули уже две бабочки.

А магам ниже девятого круга дольше трех Вестников в Камделире находиться категорически запрещено. Не абы почему, а ради безопасности недоучек, и я не собирался просто так нарушать запрет, который стоил жизни бесчисленному количеству неосторожных магов...

Хотя жалко, конечно... Я ведь только-только нащупал реальный способ, как поднять свой ранг... Пусть случайно, пусть непонятно как, но все-таки...

— Если интересно — могу подсказать способ, как стать сильнее.

Я резко развернулся.

Выхватил пистолет из кобуры. Все артефакты — активировать! Привычно, как делал это сотни или тысячи раз.

Тьма передо мной была непроглядной. То есть вполне обычной в Камделире. Она здесь везде такая...

Кроме одного места.

Там тьма была еще плотнее и чернее, чернее черного... Там тьма сгущалась в гротескное подобие человеческой фигуры.

На том месте, где могла быть голова, вспыхнули два алых огня. Не просто пара красных глаз, а Мистические глаза Заклинателя тварей.

Такие же, как у дяди. Такие же, какими могли стать мои, если бы я был сильнее. Такие же, какими могут стать глаза Хильды и какими точно станут глаза Вилли.

— Ты ведь хочешь стать сильнее? Хочешь силы? Я могу подсказать как, — прошипел сгусток тьмы.

Десять...

Девять...

Восемь...

Я начал обратный отчет. Когда я досчитаю до одного, то выйду отсюда. Главное — успеть.

И главное — не говорить с незнакомцами. Особенно если ты в Камделире.

Особенно если тут не должно быть никого, кроме тебя.

Семь...

Шесть...

Пять...

— Боишься? — Тьму ниже глаз рассекла полоса, в которой мелькнули поблескивающие сталью острые клыки. — А чего ты ожидал, Конрад?

Четыре...

Три...

Два...

— Такова участь всех, кто... — Тьма засмеялась клокочущим смехом.

Один.

И... ничего.

Я все так же стоял в Камделире — посреди тьмы, напротив тьмы.

Какого дэва?!

— Потому что ты вошел сюда не на счет «десять», а на счет «пять». — Тьма продолжала смеяться клокочущим смехом. — Не всегда есть время считать так долго. Хотя... У тебя теперь, кажется, времени хоть отбавляй, да?

Спокойно, Конрад, спокойно. Спокойно! Здесь никого нет — у тебя просто... просто сдвинулась клетка. Или мозги. Что вероятнее. Раз уж тебе мерещится дэв пойми что, в чьи уста ты вкладываешь собственные мысли, ведь ты действительно вошел в Камделире на счет «пять»... Так что давай, давай по новой...

Пять...

Четыре...

— Уже уходишь? Что ж... До встречи, Конрад, — сказала тьма. — Я подожду, пока ты не будешь готов.

Три...

Два...

— Я подожду, пока ты все вспомнишь.

Один.

Я рывком сорвал с глаз повязку и рукой остановил фонограф.

Сквозь задернутые плотные шторы пробивалось солнце. Щебетанье птиц. Блеянье коз. Мычанье коров. Крик петуха. Тончайший аромат летнего луга...

Самый странный день в моей жизни продолжал прикидываться обычным.

Я выдохнул облако пара, чувствуя, что в комнате стало значительно холоднее. Обычное дело, если вытянул много рассеянной в пространстве магии. Но необычное дело для меня, ведь никогда раньше я не тратил столько энергии, будучи в трансе...

Повернул голову, уже зная, что рядом со мной кто-то есть. Но — кто-то знакомый, кто-то безопасный.

— Печеньку? — спросила сидящая на моей кровати Вилли, протягивая мне овсяный крекер.

ГЛАВА 2

Учитывая... особенности имянаречения в славном доме Винтер — без сокращенного имени в обиходе никак.

Мне еще повезло, что родители, упокой Господь их души, нарекли меня «всего лишь» Конрадом. «Всего лишь» — потому что многие, по извечной русской традиции, иноземное имя так и норовили переименовать на знакомый лад.

А какой у нас отечественный аналог Конрада? Правильно, Кондратий. Нет, это, конечно, лучше, чем Акакий, например... Но в двадцатом веке все равно — дичайшая старина. Впрочем, в Пакте наши имена нынче звучат не менее архаично.

Однако могло быть и хуже. Насколько? Ну, мой дядя Райнхард и кузины Хильдегарда и Вильгельмина не дадут соврать.

Увы, традиции предписывали брать имена для членов кланов исключительно в честь славных предков, которые были наиболее славными где-то тысячу лет назад и именовались под стать тем временам.

Что мешало перейти на нормальные русские имена, раз уж мы две сотни лет как переселились с окраин Шварцвальда к отрогам Уральского хребта? Саксонский гонор, что же еще... Это по меркам Эспаньолы, Альбиона или Алемании история рода у нас так себе, средненькая, а в русских княжествах Винтеры — очень даже древний клан.

— Спасибо. — Я начал грызть печеньку.

Что современная наука выяснила о такой малопонятной штуке, как магия, — это то, что, например, чародейство силь-

но понижает уровень глюкозы в крови. Поэтому большинство магов в той или иной степени — сладкоежки.

Крекер был сладким и вкусным — Вилли готовила их сама, как и всю еду в доме. Так что отказываться было грех. Это от стряпни Хильды сам пресветлый Ормузд велел держаться по-дальше, а дядя как-то в сердцах пообещал лишить ее наследства и выгнать из дома, если еще раз увидит, что она опять пытается спалить кухню. Ну или приготовить нам завтрак. Там разница в деяниях довольно трудноуловима, на самом-то деле...

— Кстати, у тебя кровь из носа течет, — сообщила Вилли, болтая ногами и грызя печенье, которое она достала из под-сумка на поясе.

Машинально провел пальцем под носом, посмотрел на кровь...

Мир моргнул и выгорел. И среди всех оттенков серого единственным алым пятном осталась лишь кровь на моей руке...

Снова пошла носом.

Не самый страшный откат, после того как колдовал на из-нос. Колдовал так, что сдвинулась клетка и меня отбросило на ранг ниже.

Не самое страшное.

А самое страшное — это все было зря.

Я отрываю взгляд от крови на руке и смотрю на Вильгельмину. На ее мертвенно-бледное лицо — в тон белому платью. На ее закрытые глаза...

Я смотрю на сестру, лежащую в гробу.

— Конни? — встревожилась Мина. — Ты в порядке? Странно выглядишь...

Я посмотрел на сестру.

Мы маленький бедный род — ни сонма слуг, ни вассальных семей, ни богатств, ни влияния. Дядя, я и две кузины — вот и весь клан Винтер. Как же так вышло? Да ничего необычного — просто кто-то когда-то поставил не на того. Кто же знал, что младший сын князя крохотной Ангелии выбьется в императоры Саксонии? Вот и глава рода двести лет назад не знал. А когда стало поздно, то в пределах Алемании Винтерам места уже не было, даже несмотря на редкий талант Заклинателей тварей — увы, но при всем гении и при всем прагматизме императора Фердинанда прощать бывших врагов он не умел. Вот и бежали Винтеры как можно дальше, бросив и родовые замки, и библиотеки, и большую часть богатств — как денежных, так и магических. Бежали, пока не остановились двести лет назад

здесь — на Урале. Остановились, когда от огромного клана осталась всего одна линия, которая нынче насчитывает лишь четырех человек. Ничего странного, учитывая, что Винтеры всегда умели делать хорошо только две вещи — воевать и охотиться на гейстов.

А вот с интригами и умением быть там, где хорошо, а не где правильно, — как-то не сложилось.

Как при этом больше тысячи лет продержались? Дэв его знает. Но девизы вроде «Кровь за кровь» на пустом месте не рождаются.

В нашем случае это не в смысле, что на удар надо отвечать ударом... Хотя и это тоже. Но главное, что любой от крови Винтеров должен стоять за своих родичей насмерть.

Возможно, именно поэтому за всю историю клана у нас почти не было внутренних дрязг и конфликтов. И даже когда нас осталось лишь четверо, жили мы всегда дружно, но даже и тут, если начистоту, Вилли была моей любимицей. Наверное, для клана истребителей гейстов и общепризнанных черных магов странно такое говорить, но Вилли — самый светлый человек, что я встречал. Всегда веселая, всегда жизнерадостная и никогда не вешающая нос. В другом клане... Чего уж греха таить — в другом *нормальном* клане она росла бы принцессой и была бы настоящей принцессой.

А у нас она получила в подарок винтовку прежде, чем сходила на свой первый бал.

Ее сверстницы читают дамские романы и листают журналы мод в перерывах между чаепитиями и занятиями по родовой магии, а Вилли штудирует оружейные справочники и дневники предыдущих Винтеров, где самой расхожей фразой является: «...а потом я отрубил ему голову».

Возможно, в том и моя вина, потому как дядя после смерти жены, откровенно говоря, больше времени проводил на охоте, чем посвящал воспитанию дочерей. И в том, что вместо двух добропорядочных леди выросли две пацанки, — явно стоить винить меня.

Да и сейчас сестра была одета отнюдь не для светского раута, а по-походному — на охоту она собиралась наравне со всеми. Высокие ботфорты на толстой подошве, лосины, короткое платье, в котором удобно ходить по лесу, а шнурованный корсет укреплен изнутри стальными чешуйками. Пояс с подсумками, в которых лежат зелья и обоймы с патронами...

Ну и печенью, естественно.

Невысокая, но хорошо сложенная — даже и не скажешь, что она на два года младше нас с Хильдой. Длинные темные волосы, голубые глаза — говорят, она очень похожа на свою мать, Лизелотту. Но я тетю совсем не помню — она ведь умерла при рождении Мины. Родовая горячка — такая штука, что от нее даже маги не застрахованы, особенно если у этих магов нет под рукой ни денег, ни дорогих зелий, ни кучи лекарей...

Я смотрел на сестру, с которой рос и привык как к самому себе...

Но почему тогда так колет в сердце? Будто бы, глядя на Мину, я достаю откуда-то из глубин очень старую, очень привычную, но никогда не проходящую боль.

Почему теперь и ее я вижу мертвой?

— Э-э-эй. — Вилли пощелкала перед моим носом пальцами. — Ты чего как будто пыльным мешком из-за угла стукнутый, а? В Камделире слишком долго пробыл?

— Да... Наверное.

Даже слова и те из себя приходится вытягивать, будто иззубренные осколки. Самые обычные ведь слова. А ощущение такое, будто бы я почти разучился говорить...

Помотал головой, отгоняя жутковатое наваждение.

— Что-то я сегодня сам не свой, Вилли, — признался я. — Мерещится дэв пойми что, ощущения какие-то странные...

— А Проявитель тьмы? — деловито осведомилась сестра.

— Не. Ничего не показывает. Ну, сверх обычного.

— А я-то думаю — чего это ты за теормаг засел... — Мина покрутила головой, разглядывая разбросанные на кровати книги. — Нашел что-нибудь интересное?

— Слушай, ты же семейные хроники лучше всех знаешь. Ведь так?

— Так. — Девушка с готовностью кивнула.

— Не помнишь — у нас в роду пророки были?

— Конни, но ты же знаешь теорию, — удивилась Мина. — К пророчествам есть предрасположенность, но пророками не рождаются, а становятся.

— Да, я знаю, что нужен триггер, — поморщился я. — И триггер сильный. Но вдруг у кого-то Дар проявлялся спонтанно?

— Хм... — Вилли задумчиво обхватила подбородок. — Да вроде бы не было таких случаев... А что ты видел? Что, а? Скажи! Скажи!

— ... Чего ты ждешь?

Я поднимаю руку с зажатым в ней пистолетом.

— Покончи с этим, палач.

Я целюсь Хильде прямо между глаз, совмещая мушку и целик маузера...

Что я вижу?

...Я смотрю на Вильгельмину. На ее мертвенно-бледное лицо — в тон белому платью. На ее закрытые глаза...

Я смотрю на сестру, лежащую в гробу.

Я вздрогнул.

— Ничего хорошего, Мина. Совсем ничего хорошего...

— Было бы неплохо, если б ты и правда был пророком... — мечтательно протянула Вилли. — Можно было бы клады всякие поискать, например... Или на скачки ходить...

— Если дядя услышит, как ты даже просто упоминаешь азартные игры, — уши надерет, — заметил я.

— Что ж я, совсем дурная — так подставляться? — ненатурально оскорбилась сестра.

— А вдруг я тебя сдам?

— Врешь.

— Проверим? — сказал я и начал щекотать Вилли.

Та начала пищать и брыкаться, а затем с грохотом скатилась с кровати.

— Эй, ты там в порядке?

— В полном! — Мина, хихикая, подняла вверх большой палец и поднялась с пола, отряхивая платье.

Неожиданно замерла. Обхватила пальцами подбородок. Задумалась.

— Слушай, а поговори с папой, — посоветовала сестра. — Вряд ли у тебя пророческий Дар прорезался, даже чисто теоретически... Но если есть какие странности, то лучше папы эксперта не найти.

— Что значит — «вряд ли»? — проворчал я. — Совсем не веришь в своего брата?

— В брата? В брата — верю! — уверенно кивнула. — А вот что у него могут какие-то редкие Дары ни с того ни с него проявиться — нисколечки.

— Злыдня. А Хильда где?

— Да бродит где-то... С утра в город укатила. — Вилли оперлась локтями на кровать и подперла руками голову. — У тебя опять кровь.

— А, холера... — Я вытер тыльной стороной ладони нос.

— На. — Сестра протянула мне платок. — Первый раз вижу, чтобы после транса кровь шла... Ты же в трансе был?

— Ага, — кивнул я и, не удержавшись, похвастался: — Кажется, удалось продвинуться в построении клетки.

— Ух ты! Правда? — обрадовалась Вилли. — Что-то новое попробовал? Скажи, может, я тоже попробую!

— Да не, ничего особенного... Просто как мне стало всякое мерещиться, так я сразу решил каркас проверить — вдруг...

— ...клетка сдвинулась, — зябко поежилась сестра и озабоченно посмотрела на меня. — Но у тебя же все в порядке, да?

— В полном, — заверил я ее. — Даже целый кластер получилось вырастить... Но действительно что-то засиделся — вышел, когда уже второй Вестник появился.

— А Хильда мне сказала, что вчера до трех Вестников просидела, — безо всяких угрызений совести заложила сестру Вилли.

— Вот паразитка, — сплюнул я. — Дядя ей уши надерет, как вернется. А первую порцию в его отсутствие мне придется ей выдать... Кстати, она же узнает, что это ты ее сдала. Не боишься?

— Ну, лучше недовольная сестра, чем утянутая на Ту Сторону сестра, — хладнокровно произнесла Мина. — К тому же я узнала, что она боится скручервей.

— А чего их бояться-то? — не понял я. — У них же ни зубов, ни яда... И как ты узнала-то?

— Вычитала в одном Охотничьем дневнике, что если их живьем давить, то основа для декокта чище получается, — коварно захихикала Вилли. — А Хильда, оказывается, их живых только на картинке и видела.

— Ну да, с алхимией у нее всегда дела туго шли... А, так вот чего она... — я неожиданно запнулся, — так орала... вчера?

— Позавчера. — Мина поднялась на ноги. — Ладно, пойду я. Пойду соберу вещи Хильды, а то ее все нет и нет... К возвращению папы она, может, успеет, а вот собраться к охоте — вряд ли.

— Как думаешь, что ей в городе понадобилось?

— А дэв ее знает, — пожала плечами Вилли. — Вроде купить что-то собиралась... Но это не точно. Ты, кстати, тоже долго не засиживайся.

— Есть, моя леди! — шутливо козырнул я и плюхнулся на кровать. — И что бы мы все без тебя делали?

— Как минимум — поумирали бы с голода, — рассмеялась девушка, открывая дверь и выходя в коридор.

— Что бы мы все без тебя делали... — пробормотал я, бездумно глядя в потолок.

...Я смотрю на Вильгельмину. На ее мертвенно-бледное лицо — в тон белому платью. На ее закрытые глаза...

Я смотрю на сестру, лежащую в гробу.

Видение не приходило снова, но этого уже и не требовалось — как теперь такое из головы выбросить вообще? Не каждый день начинаешь видеть то, чего нет.

Особенно если это мертвые люди.

Особенно если это дорогие тебе люди.

Я повернул голову и зацепился взглядом за корешок одной из книг на полке — Вильгельм фон Окхам «Универсалии магии».

Ну да, ну да, «не должно множить сущее без необходимости»... Либо у меня сдвинулась клетка, либо и правда прорезается пророческий Дар. Поэтому и в столь жуткой форме, и столь спонтанно: как говорится, будущее отбрасывает тень в прошлое.

Но сожги меня Вечный огонь — ни то ни другое меня ни капельки не радует. Пророчествование — это из разряда Старших Даров, вроде нашего Заклинания тварей. И, как и любой Старший Дар, может запросто свести с ума неподготовленного или слабого мага. У нас это называется Реденлире — Говорящие с пустотой.

Если слишком долго говорить с пустотой, рано или поздно она начинает отвечать.

Конечно, у нас уже давно не случалось Реденлире — последние были, наверное, еще когда Винтеры обитали в Фелзен Кастель...

Я вновь бездумно уставился в потолок.

Вокруг была столь привычная с самого детства комната. Письменный стол с керосиновой лампой, платяной шкаф, шкаф для оружия, книжные полки, старый комод с нацарапанным на боку монстриком и корявой подписью «животное» — творчество Вилли, когда ей исполнилось семь лет. Причем в тот раз она, похоже, вложила в рисунок толику магии, так что извести мне его так и не удалось. Дядя, наверное, мог бы, но на такие мелочи не разменивался...

Все вокруг было настолько же знакомым, насколько и *чужим*.

Нет. Не так.

Не чужим, а скорее основательно забытым. Об этой комнате я мог читать в книге, мог запомнить ее на гравюре, но жить в ней — вряд ли. Разве что когда-то очень-очень давно...

Я сажусь на кровати и...

Мир выгорает, окрашиваясь во все оттенки серого.

Я сижу на том, что когда-то было кроватью, но сейчас она сломанная, закопченная и усыпанная опавшими листьями.

Корешки книг в книжном шкафу справа сливаются в одно сплошное пятно — огонь пощадил большинство фолиантов, но от копоти никуда не деться.

Окна передо мной нет. Как и части стены. Как и крыши над головой. Лишь обломанные бревна и оголенные ребра обгоревших стропил.

Следов осколков нет, пламя угагло быстро, разрушения относительно небольшие — значит, ударили магией, а не снарядом. Магия огня, ранг шестой-седьмой — вполне типичные чары типичного армейского колдуна...

Я встаю и делаю несколько шагов. Прохожу мимо старого комода — две ножки обломаны, ящики вывалились. Сверху — толстый слой пыли и занесенные ветром листья.

Сметаю их рукой.

Рисунок на дереве, покрытом растрескавшимся лаком. Старый рисунок, когда-то сделанный Вилли...

Касаюсь его, чувствуя под пальцами легкое покалывание. Детская спонтанная магия иногда бывает очень долговечна и непредсказуема...

Не глядя, захватываю узор чар, превращая его в построение. Не глядя, правлю его.

Мгновение, и мир снова расцветает всеми красками.

Я стою около комода, постукивая по нему пальцами.

Остановился. Прекратил это делать. Посмотрел.

Под моими пальцами был рисунок Вилли. Рогатое и хвостатое чудовище непонятной принадлежности, способное поставить в тупик даже признанного магистра монстрологии Брема, подписанное как «животное»...

Что, если я и правда начинаю видеть будущее? Ужасное будущее, кошмарное будущее. Где наш дом разрушен, Вилли мертва, а я убиваю Хильду.

Да, даже моих скромных познаний хватает, чтобы понять — так пророчества не делают. Нельзя просто взять и увидеть что-то так, будто ты читаешь книгу и решил узнать, что

будет с персонажем через полсотни страниц. Пророчества — это долгие и сложные ритуалы, занимающие кучу времени. И еще большее время обычно требуется на то, чтобы расшифровать увиденное.

Молодой лев одержит верх над старым
На ратном поле, в одиночном бою.
Выколотый глаз в золотой клетке.

Ну и все в таком духе.

Где уж тут сообразить, что золотая клетка — это шитье парадного мундира, а выколотый глаз — это простреленный амулет Уаджет, привезенный тогда еще консулом Боливаром из Египта?..

Так что пророки не листают Книгу судеб, а люди — не персонажи на ее страницах. Не в нашем мире уж точно. Для такого надо прийти откуда-то со стороны, откуда-то извне...

Может быть, я — это и не я вовсе? А кто? Кто-то другой? А что, тоже версия — ничуть не хуже сдвинувшейся клетки или внезапно прорезавшегося редкого Дара. Раз уж можно заснуть в одном месте, а проснуться в другом, то почему нельзя заснуть одним человеком, а проснуться другим?

Ладно уж... Что-то я куда-то не туда ушел. Мне бы с основной проблемой разобраться, то бишь с ситуацией «Я вижу мертвых людей».

Может, все не так однозначно и явно? Может, все эти зловещие видения — всего лишь предупреждение... О чем? О том, что мне нужно беречь сестер? Так я и без всяких галлюцинаций за них кого угодно порву...

Пресветлый Ормузд, ну почему все так сложно-то? И почему именно я?! Не было печали, называется...

От невеселых мыслей меня отвлек неясный шум на дворе.

Прислушался, машинально усилив слух магией... Машина? Странно, дядя уезжал на лошади...

ГЛАВА 3

Из остановившегося перед распахнутыми воротами усадьбы «порше» выбрались трое — двое мужчин и молодая девушка.

А вот и Хильда, а вот и нашлась наша пропажа...

Хильдегарду, бывало, принимали за мою сестру-близнеца. Роста мы почти одинакового — она ниже меня всего на вершок. Оба светловолосые, голубоглазые и даже родились примерно в одно время — зимой, разве что Хильда на месяц раньше. Ну и в те моменты когда Хильда не одевалась как пацанка, то зачастую вызывала сворачивание голов у постороннего мужского населения. Красивая, фигуристая — за версту видны поколения предков, которые женились не только на способных и родовитых, но и на симпатичных магичках.

По словам дяди — мы пошли в деда Зигфрида, который был классической белокурой саксонской бестией. А вот Райнхард и Вилли больше походили на бабушку, которая была из младшей ветви булгарского рода...

Впрочем, сейчас старшая дочь графа Винтера, столбовая дворянка Хильдегарда меньше всего тянула на благородную даму. На щеке красовался свежий кровоподтек, кожаная мотоциклетная куртка в паре мест подпалена, кожаные же брюки изрядно выпачканы в грязи. Сама — растрепанная, но дово-ольная... Хотя и довольно громко возмущающаяся тем, что ее, видите ли, лишили возможности повеселиться.

Веселье в понимании Хильды обычно было связано со старым добрым мордобоем, который старшая дочь графа Винтера знала, любила и успешно практиковала.

А как иначе? Хорошая наследственность, десятки поколений боевых магов в предках и обучение у лучшего охотника княжества.

Окружающие Хильду персоны излучали куда меньше жизнерадостности. Куда меньше — это примерно вообще ни хрена.

Хотя вот дед Патрикей никогда особо дружелюбным и не выглядел. Вечно хмурый, с мрачным, тяжелым взглядом из-под кустистых бровей и до самых глаз заросший бородой. При этом еще и громадного роста — под три аршина всяко, так что даже над долговязым дядей Райнхардом возвышался на добрую голову. Не знаю сколько ему на самом деле лет — Патрикей был стар еще в моем детстве. Да и кто он такой вообще, откуда и на самом ли деле его так зовут — учитывая малоразговорчивость деда, было выяснить весьма непросто... Практически невозможно. То есть дядя о нем что-то знал, а вот мы — ни хрена.

Лет до восьми я даже думал, что Патрикей вообще немой, пока он нас с Хильдой не покрыл отборным матом при попытке воровства яблок из соседского сада.

Числился Патрикей при нашей усадьбе мастером на все руки — и плотник, и конюший, и садовник, и помощник на охоте, и дядька, и вообще... Ну, мастер и мастер, короче. Что тут еще сказать-то?

Вторым сопровождающим Хильды был Потапыч — наш уездный городской из княжеской стражи. Если Винтеры — это армия нашего уезда, то Потапыч — это вся его полиция.

Вообще-то он Егор свет Дмитриевич, а Потапов — это фамилия у него такая. Но к упитанному увальню с наидобрейшим лицом иное прозвище прилипнуть просто не могло. Притом я, например, знал — Потапыч в городские пошел после отставки из личной дружины князя, а это что-то да значит — чтобы в княжеское войско попасть, надо быть либо отменным воином, либо магом. Так что маска добродушного дружелюбного увальня — это всего лишь маска...

— Вашсиятельство! — при виде меня всплеснул руками городской. — Ну что же это делается-то такое, а? Ведь третий раз за месяц сестрицу вашу, Ольгу Ренгольдовну, пес его знает откуда достаем! Бедовая девка, как есть бедовая!

— Доброго дня вам, Егор Дмитриевич. — Я вышел из дома и облокотился на перила крыльца. — Что стряслось-то?

— Нет, ну вы только подумайте! — горестно произнес Потапыч. — Да где ж это видано, чтоб благородные девицы по кабакам портовым шлялись, а? Да еще и дебош учиняли...

— Да они первые начали, че я-то... — ухмыльнулась Хильда.

— Хм, — сказал Патрикей и отвесил сестре увесистого леща.

Та немедленно заткнулась и обиженно засопела, потирая затылок, — дед и сам шуток не понимал, и чужой юмор не особо уважал. А связываться с ним себе дороже — у Патрикея была какая-то ненормальная устойчивость к магии. Достать его чистой силой под чарами усилениями — тоже неважная идея. Связываться с тем, кто может подкову согнуть голыми руками, — вообще не самое разумное занятие.

— Давайте в дом пройдем, что ли, — предложил я. — Чаю вам хоть с дороги налью... Или чего покрепче?

— Рад бы, вашсиятельство, — вновь поименовал меня не принадлежащим титулом Потапыч. — Но — дела-с. Вот привез сестрицу вашу, а теперича вынужден откланяться.

— Стой! Куда это ты собрался-то, а? А мотоцикл мой?! — возмутилась Хильда.

— Все вопросы — к Чердынской управе. Батюшка твой как придет — ему и отдадут, а тебе — ни-ни, чтобы без дела в город не каталась.

Какая прелесть. Дядя эдак и через полгода только может заявиться в управу — по такому-то делу. Он уже и так сто раз пожалел, что год назад ей этот старенький БМВ подарил, но отнять уже не получалось — Хильда в не свойственной ей манере рыдала, каталась по полу, умоляла и вообще всячески давила на дядину жалость, лишь бы ее железного коня не отнимали. Иначе на чем ей в город мотаться-то?

— Вашсиятельство, вы уж примите меры-то, — вздохнул Потапыч. — Я ж в этот раз в городе, считай, случайно оказался...

— Да что случилось-то? — тоже вздохнул я.

Увы, манера речи городского уж чем-чем, а лаконичностью никогда не отличалась — нахватался от местных, которые прежде чем к сути дела перейдут, на полчаса минимум разговоры разведут обо всем. О погоде, об урожае, о цене на лес и о здоровье всех ближайших родственников, включая собаку Жучку, кошку Мурку и хряка Борьку...

— Значица, сестрица ваша в городе по местам всяким злачным слонялась, — сообщил Потапыч. — В частности — по кабакам портовым. И в одном из таковых с кем-то из речной матросни сцепилась. Да так сцепилась, что туда отряд княжеской стражи и пожарных магов вызывали.

Я сурово посмотрел на Хильду. Та с самым серьезным видом начала рассматривать растущую около забора яблоню, что-то фальшиво насвистывая себе под нос.

Вот есть манера у всяких там домашних кошек-собак умотаться куда-нибудь на улицу и пошариться в помойной куче повонючее да вывалиться в луже погрязнее. И есть такая же Хильда, которую хлебом не корми, а дай где-нибудь в темной подворотне сцепиться с парой бандюков. Нервы она себе так, видите ли, щекочет. И заодно протест выражает, что дядя ее на большую охоту не берет, а на слабых гейстов охотиться ей уже как бы скучно...

Полгода эта «война» уже идет, считай. И дядя не уступает, и кухня тоже хороша. Нашла коса на камень, что называется.

Для обычной девушки ее возраста такие вылазки, конечно, быстро бы кончились чем-нибудь плохим или даже очень плохим, но Хильда была объективно хорошим бойцом. Девятый

ранг, все чин чинном — двух-трех здоровых мужиков она раскидает без проблем.

Так-то у Хильды есть неплохие способности к огненной магии, но она все-таки предпочитает индивидуальные чары земли и рукопашный бой.

— Благодарю вас, Егор Дмитриевич, — вежливо склонил голову я. — Обязательно передам дядюшке. Разберемся.

Хильда показательно фыркнула и скрестила руки на груди.

— Что ж, доброго дня вам, Конрад Вольфрамovich.

А я же говорил, что мне с именем еще повезло? Говорил же?

Хотя это еще что. Вот Вильгельмина Райнхардовна — это да...

Тьфу!

Будут у меня дети — дам им нормальные имена. И на сестер надо повлиять. Традиции традициями, но за что же детям такое плохое зло делать-то? Еще благо, что у нас не было привычки давать сразу по три-четыре имени, как в какой-нибудь срединной Алемании. Что-нибудь вроде Софья Августа Фредерика Анна-Мария Прусская, ну которая первая женщина-курфюрст...

Потапыч подошел к своему старенькому служебному «порше», Патрикей помог ему завести автомобиль с помощью ручного стартера, и городской укатил в сторону деревни.

Старик неодобрительно посмотрел на Хильду, сказал свое традиционное «хм» и ушел в сторону конюшни.

Сестра же привалилась спиной к столбу и принялась его усиленно подпирать. Видимо, чтобы не упал, бедный.

Я сошел с крыльца, подошел к воротам, подпер собой второй столб. Нашарил в кармане серебряный рубль, подбросил в воздух, поймал, прокатил по костяшкам пальцев.

— Ну, что скажешь? — поинтересовался я.

— У меня все было под контролем, — заявила Хильда.

— Да ну?

— Ну да.

Какое-то время молчали. Я продолжал перекатывать монету.

— Сейчас ты скажешь, что я когда-нибудь доиграюсь и меня пырнут ножом в кабацкой драке... — первой нарушила молчание кузина.

Я целюсь Хильде прямо между глаз, совмещая мушку и целик маузера...

Моя рука дрогнула, и монета упала в дорожную пыль.

— Не скажу, — сказал я, поднимая с земли рубль. — Но тебе что, правда интересно шататься по всяким кабакам и бить морды местным ханурикам? Ты же боевой маг!

— Честь рода Винтер, последние Стражи Шварцвальда... ну да, ну да... — поморщилась Хильда. — Слушай, ну ты же мой ровесник — разве тебе не бывает тошно...

Сестра неопределенно махнула рукой.

— От всего этого? — поинтересовался я. — Нет, не бывает.

— Тебе-то проще. А если я в этом году никуда не поступлю, то через пару лет меня сосватают за какого-нибудь бедного, но храброго графского сынка из младшей ветви, — с отвращением произнесла Хильда. — Мы поженимся. Я рожу ему пару детишек. Быть может, не загнусь от родовой горячки, как мама. Буду жить, воспитывая спиногрызов, занимаясь вышивкой и чтением сопливых дамских романов...

— Райнхард не отдаст тебя замуж против воли.

— Я вообще-то тоже знаю такое слово, как «надо». — Хильда вздохнула. — Но легче от этого не становится — итог все равно будет один и тот же... Слушай, Курт, ну не получится из меня добропорядочной леди! Уже не получилось.

— В этом есть и моя вина.

— Не зазнавайся, — хмыкнула сестра. — Но... Ты понимаешь, да. Вилли тоже понимает. А вот отец — нет.

— Ты хочешь быть егерем? — спросил я. — Настоящей охотницей на гейстов? Принять Дар, возглавить род...

— Е-мое, да не знаю я, чего хочу! — призналась Хильда. — Но когда я дерусь, то...

— Это будоражит кровь. Понимаю.

— Ты-то? Не смей меня. Ты же просто воплощение всех наших традиций и устоев — хладнокровный и разумный, выдержанный и невозмутимый, истинный Герцог Зимы.

— Ты же знаешь, что я не стану новым главой, — спокойно сказал я.

— Брось! — бодро, но без подлинной уверенности в голосе заявила Хильда. — Тебе еще шестнадцать, ранг еще подрастет...

— Сестра, мне уже шестнадцать. Не достиг девятой ступени сейчас — потом уже будет слишком поздно. А слабаки род не возглавляют.

— О мой бог! — Кузина закатила глаза. — Ну да, его возглавляют зануды вроде отца. Или тебя, ага.

— Я поговорю с дядей, — сказал я. — Надо и правда направить твою энергию в социально полезное русло.

— Эй, Курт! Вообще-то я — его старшая дочь. И то не смогла...

— Не те слова подбирала, значит. — Я пожал плечами. — Давай так. Я поговорю с Райнхардом, тебя возьмут на охоту — большую охоту. Не на фухсов или фрехтенгов — на что-нибудь посерьезнее.

— А взамен? — недоверчиво хмыкнула Хильда.

— Взамен ты оставишь эту пагубную привычку мотаться по всяким значным местам и метелить всяких хануриков.

— Фи, что за лексикон, обер!

— Под статью тебе, юнна. А теперь — марш домой.

— Хочешь начистоту, братец? — ухмыльнулась Хильда. — Думается мне — ни хрена у тебя не получится. Так что лучше помощи придумать, как вызволить моего железного коня из управы.

— Ты это сейчас серьезно? — приподнял бровь я. — Да тебя за такие художества по-хорошему взгреть надо.

— Папа не сможет.

— Ну, значит, мне придется.

— Лады-ы-ы... — протянула кузина. — Беру свои слова назад. Ну, что ты типа не такой уж и слабак. Просто не хочу с тобой драться. Ну, чтобы не было как в тот раз.

Ее правда. Четыре из пяти учебных поединков я ей проигрывал. Как в боях на атакующей магии, так и в сражениях с усиливающей. Какая разница, какие у тебя мышцы или рефлексy, если с чарами земли ты можешь быть быстрее и сильнее любого тренированного бойца? А Хильда в магии земли, ну и вообще в магии — хороша.

Я это знал, она это знала, и я знал, что она это знает.

Но сейчас мне почему-то хотелось думать, что это будет тот самый счастливый пятый раз...

— Если я побеждаю, то сидишь смиренно и ждешь, когда я решу твою проблему, — сказал я, тоже скрещивая руки на груди.

— А если я? — Хильда отлипла от столба и подошла ко мне.

— А чего ты хочешь?

— Ты помогаешь вернуть мне мотоцикл и в следующий раз едешь за приключениями вместе со мной, — усмехнулась девушка. — Это звучит как-то более реалистично, чем то, что ты уговоришь Райнхарда.

— Только не вздумай когда-нибудь приглашать парней на такие свидания — немногие оценят, — хмыкнул я.

— Ну а мне многие и не нужны. Так что, герр законопослушный боярич, — по рукам?

Прогноз.

Как бы обманной крюк правой. Как бы — потому что если не увернуться, то чувствительно прилетит в челюсть. Но это отвлекающий маневр — основной удар она нанесет левой в печень.

Уклонение. Блок.

Она проводит подсечку. Усиливаю ноги и остаюсь стоять.

Серия прямых в лицо. Блокирую.

Хильда бьет ногой с разворота с усилением.

Пригнуться, тоже провести подсечку. Она делает кувырок назад.

Сближаюсь. Атакую. Бью ногой по голени. Она блокирует.

Наношу удар другой ногой. Снова блок.

Она переходит в атаку. Серия прямых в голову. Блокирую.

И усиленный кросс в корпус. Его я пропускаю — слишком быстро. Дыхание сбивается.

Удар ногой с разворота. Усиленный. Поэтому даже блок плохо помогает.

Сокращает дистанцию. Крюк правой. Блокирую.

И тут снова — кросс левой. Кое-как успеваю защититься, но открываюсь...

Прямой в челюсть. Нокдаун.

Восстанавливаю равновесие, но концентрация потеряна. Размашисто бью правой.

Очень зря.

Хильда перехватывает руку и перебрасывает меня через себя.

Удар раскрытой ладонью в грудь с выбросом энергии. Я практически парализован.

Хильда усаживается на меня верхом и целится в горло сжатыми пальцами.

Она улыбается. Она победила.

Прогноз... негативный.

— По рукам, — говорю я.

И немедленно — как бы обманной крюк правой. Как бы — потому что если не увернуться, то чувствительно прилетит в челюсть. Но это отвлекающий маневр — основной удар Хильда наносит левой в печень.

Уклоняюсь от первого удара, блокирую второй.

Хильда проводит подсечку — усиливаю ноги и остаюсь стоять.

Серия прямых в лицо. Закрываюсь руками и блокирую их. Сестра бьет ногой с разворота с усилением.

Пригибаюсь и тоже делаю подсечку — Хильда делает кувырок назад.

Сближаюсь и сам перехожу в атаку. Бью ногой по голени — она блокирует. Наношу удар другой ногой — снова блок.

Хильда контратакует. Блокирую серию прямых в голову...

И тут же резко отклоняю корпус — усиленный кросс левой достает меня, но лишь вскользь.

Хильда бьет ногой с разворота. С усилением — против такого и блок не поможет, снесет вместе с блоком. Поэтому молниеносно пригибаюсь, уворачиваясь от удара, и перекатываюсь по земле.

Поднимаюсь на одно колено — Хильда с воплем подскакивает ко мне и бьет ногой. Блокирую усиленной магией левой рукой, а правой бью ее под колено. Поворачиваюсь сам на колене и наношу горизонтальный удар другой ногой.

Сестра отскакивает, а я тем временем быстро вскакиваю с земли.

Хильда снова сокращает дистанцию. Блокирую крюк правой... И почти сразу же — кросс левой. У сестры рабочая рука вообще-то левая, с левой удар у нее куда сильнее.

В последний момент успеваю довернуть корпус, и удар снова проходит вскользь.

Перехватываю левую руку девушки своей правой и немедленно усиливаю ее. Хильда пытается вырвать руку, усиление не помогает, силы примерно равны, но на этот раз чистые мускулы играют роль последней капли. Капли на мою чашу весов.

Из-за всего этого Хильда чуть замешкалась, поэтому я успеваю прочесть ее намерения.

Готовится ударить правой — бью в предплечье, сбивая движение. И сразу же — удар под ключицу.

Вывернуть пойманную руку, сделать захват жестче. И удар ногой в живот — без всяких сантиментов. Хильда вскидывает ногу, сгибая ее в колене и ставя блок.

Поворот, сближается и пытается в борьбе высвободить руку.

Усиливаю все тело сразу, ставлю Хильде подножку, отрываю ее от земли и бросаю через бедро. Наваливаюсь следом, прижимая ей горло рукой. Сестра пытается ударить головой,

но я успеваю загодя наклониться, и мы просто сталкиваемся лбами.

Все; зажимаю ей горло предплечьем, а обе руки Хильды надежно прижаты к корпусу. И ногами особо не поработает. Остается только атакующая магия, но это уже будет не по правилам...

— Кажется, все, — я улыбнулся, — победа за мной.

— Отличный бой, — оскалилась Хильда, переводя дыхание. — Сколько мы с тобой не дуэлировали? Неделю? Две? Когда ты научился таким приемчикам?

— Сегодня приснились. Так победа за мной?

— Да, победа за тобой.

Важное уточнение. Иначе в ход могут быть пущены так называемые военные хитрости, когда стоит мне только выпустить сестру из захвата, и немедленно прилетят подсечка и болевой прием.

Я отпустил Хильду и поднялся на ноги. А затем протянул ей руку, помогая подняться. Сестра фыркнула, но от помощи отказываться не стала.

И тут же раздалась аплодисменты и свист.

— Уррра! — Стоящая на крыльце Вилли аж подпрыгивала от возбуждения. — Это было прям... ух! Братик Конни заслужил приз!

— Печеньку? — рассмеялась Хильда.

— Сестрица тоже заслужила утешительный приз. — Мина поставила на перила корзинку с выпечкой.

— Отлично! Я как раз проголодалась с дороги. Эти два болвана даже не додумались меня покормить, пока везли из города...

А я тем временем стоял и прислушивался к распадающимся во мне усиливающим чарам.

Странно...

Да, знаю, слово «странно» — это главное слово дня, но все равно — когда это я наострил так технично выполнять усиливающие чары?..

ГЛАВА 4

Стемнело.

Дядя все не возвращался, хотя должен был вернуться еще к обеду, после чего мы собирались всем невеликим кланом отправиться на патрулирование. В конце концов на дворе была

уже середина апреля — самое время, когда начинаются миграции гейстов после зимней спячки. А с конца мая, как начнутся белые ночи, с тварями можно будет столкнуться даже около самой Чердыни. Парадокс, но исчадия тьмы саму тьму не очень-то и любили, а наиболее активны были именно в светлое время суток...

Отсюда и главная проблема всех Ожогов близ полярного круга — в середине лета гейсты как будто с цепи срывались, так что борьба с ними превращалась в самую натуральную войну. Благо еще, что Древние в таких местах, как Печорское княжество, особо не воевали. Ожоги заполярного Урала — это так, ерунда, в общем-то... Ну, на фоне Центрального Арафа или Сахары, разумеется.

Мы уже успели поужинать тем, что Ормузд послал посредством своей неканонизированной пророчицы по имени Вильгельмина Винтер. А послал он нам сегодня наваристый суп-умач, традиционный на нашем столе плов и большую тарелку пышек.

Эй, предки, вам хорошо видно, чем нынче питаются члены древнего и благородного саксонского рода? Подумаешь — не канонично... Зато вкусно.

Вон Хильда не даст соврать — она уже треть пышек умяла со сметаной. Морщится, страдальчески щупает себя за бока на предмет прибавления жира, но трескает, ибо не любить выпечку Вилли — это грех пострашнее манихейской ереси. Хотя магам вроде нас об ожирении можно не беспокоиться — никогда еще не видел толстого боевого мага. Вечно голодного — это да, но вот чтобы упитанного...

— ...А еще он всего за одно занятие смог целый кластер вырастить, — с нотками гордости, будто в этом была персонально ее заслуга, произнесла Вилли, покачивая чайной ложкой в руке. — Представляешь, да?

— Брешешь! — не поверила Хильда и повернулась ко мне. — Ведь брешет же? Ну или ты ей набрехал...

Пришлось перегнуться через стол и заехать ей ложкой по лбу, а Вилли получила воздушный шелбан и с писком схватилась за лоб.

— Что мы не делаем за столом? — наставительно спросил я.

— Не говорим о Ремесле, — хором пробурчали кузины.

— Доедаем, моем посуду и только тогда обсуждаем Ремесло, раз уж дядя задерживается.

Я посмотрел на настенные часы — уже почти восемь вечера. И правда что-то он запаздывает...

Закончив с ужином и его последствиями в виде грязной посуды, мы по обыкновению собрались в гостиной около камина. Хильда небрежным жестом швырнула лоскут пламени в лежащие в нем дрова, которые моментально запылали. Вилли предпочла не выделяться, тратя боевые заклинания на растопку камина, и аккуратными заклятиями разожгла пару ламп.

Расположились на расстеленном на полу ковре, обложившись книгами и дневниками в потертых кожаных обложках. Дневники, разумеется, были неоригинальными — настоящие остались в руинах Фелзен Кастель, а это новоделы, написанные одним из предков по памяти сразу после бегства в земли Конфедерации. Никакого редкого Дара Архивариуса — просто очень хорошая память и талант, позволившие уместить множество древних фолиантов и трактатов в краткие дневники, где было собрано самое основное.

Как. Убивать. Гейстов.

Что-то вроде «Нет бога, кроме Ормузда, и Третий Спаситель грядет» — вся мудрость со страниц древних книг и свитков, умещенная в одну строку. Да простится мне такое богохульство. Все ж таки, с одной стороны, охотничьи заметки одного-единственного клана, а с другой — великая Александрийская библиотека, погибшая в попытке спасти ее от наступающих индийских орд.

— Повторяем среднее звено, — категорическим тоном заявил я.

Вилли с готовностью начала листать тетрадку со своими конспектами, а вот Хильда немедленно горестно застонала:

— Курт, ты серьезно, что ли? Ну какое еще среднее звено? Я таких, как они...

— Да ладно? — Я приподнял бровь. — И сколько же юная госпожа прикончила рипперов или урсов, а?

Хильда пробормотала что-то неразборчивое.

— Прости, что ты сказала? — Я картинно приложил ладонь к уху.

— Но в общей-то охоте я уже участвовала! — возмущилась сестра.

— Ну, давай все-таки не обольщаться — когда рядом с нами Райнхард, именно он делает львиную долю всего, — флег-

матично сказал я и неожиданно резко спросил: — Урс. Уязвимые места?

— Э-э-э... — Хильда растерялась. — Снести ему башку? Выпустить ему кишки?

— Бззз. — Я издал жужжащий звук и наградил ее воздушным щелбаном. — Ответ неправильный. Хотите еще одну попытку по двойной ставке? Вилли?

— Крупные нервные узлы между ключицей и грудными пластинами, — с готовностью затараторила младшая сестра. — Поражение любого из них парализует урса и приводит его в состояние шока. Череп прочный, держит пистолетные и винтовочные пули малого калибра, но шея уязвима к поражению клинковым оружием и рубящей магией. И основная точка «М» в районе крестца — ни пластин, ни чешуи, можно пробить даже обычным ножом или из револьвера.

— Двенадцать баллов, Вильгельмина, — показал я ей большой палец.

— Зануда... — пробормотала Хильда, потирая лоб.

Я наставил на нее палец, и сестра пристально на него уставилась.

— Не зануда, а прилежный будущий егерь. Молодец, — веско произнес я. — А ты, Хильда, еще просилась на большую охоту...

— Я молодец, — гордо произнесла Мина.

— Курт, ну е-мое, — поморщилась Хильда. — Это же всего лишь урс. А наставления эти писались еще до того, как появились магазинные винтовки и помповые дробовики...

Еще один щелбан. Блондинка крякнула и схватилась за лоб.

— Что нам никогда нельзя делать на охоте? — наставительно произнес я.

— Недооценивать врага, — хором произнесли кузины. Вилли — с энтузиазмом, Хильда — ворчливо.

— Но я же не собираюсь идти на какого-нибудь риппера с голыми руками! — воскликнула средняя сестра. И, немного помолчав, добавила: — Скорее всего.

— Правда? — Я иронично приподнял бровь. — А мне казалось, что это как раз очень даже в твоём стиле.

— Ну я же не совсем дура... — пробурчала Хильда.

— Видшвайн. Отличия следов от обычного кабана, к какой магии уязвим? Вилли?